

Хотя передача Ильи Олейникова и Юрия Стоянова называется «Городок», наша встреча с Ильей Львовичем состоялась за городской чертой, в замечательном доме под Петербургом, где живут Илья и его жена Ирина. Там и дышится легче, и шутится лучше.

Юлия КОРЛЫХАНОВА

Из папиных недостатков прихватил все

— Я не был выходцем из дворянской семьи. Интеллигентной ее тоже назвать трудно. У папы — четыре класса начальной школы, у мамы тоже что-то в этом роде. Но если интеллигентность — это не сумма знаний, а нечто внутри человека, то мама по своей сути была образцом интеллигентной женщины. Папа — тот наоборот: такой разбитной мужик, любил выпить-закусить, ну и красивых женщин любил... Все эти качества он передал мне, и вот уже 55 лет я с ними борюсь. И все время проигрываю в этой страшной, нечеловеческой битве. Из папиных недостатков я прихватил все, но у папы было и явное достоинство: он не курил. Я восполнил этот пробел. Курю я давно и много.

— Родители следили за вашими школьными успехами?

— Они сражались с этими «успехами», потому что моих двоек хватало бы человека на пятнадцать. Спасало только то, что после пятого класса для папы во всех предметах начиналась пустыня, выжженная земля. Он открывал мою тетрадку, внимательно рассматривал эти иероглифы, хмыкал, поводил плечами и говорил: «И шо, за это надо было получить двойку?» В общем, когда он понял, что вывести в нашем роду интеллигента, так сказать, забить первый камень в моем лице, не получится, он с этим завязал. И ударился в другую степь.

Делил рояль с Пугачевой

— Папа стал приводить ко мне педагогов по музыке. Первого из них, скрипача, хватило на две недели. Потом с криком: «Этот мальчик никогда не будет играть даже на венике!» — он убежал. Зато появился баянист. Теперь кричала мама: «Баян — в еврейскую семью? Ты сошел с ума!» Но когда я научился извлекать из баяна

Илья ОЛЕЙНИКОВ:

Я БЫЛ НА НИКИТУ ПОХОЖ НА МИХАЛКОВА

Городок

Вст. Москва — 2002. — 11 апр. — С. 8.

какие-то звуки, она смирилась. А уж когда пальчики мои забегали сами по себе, ей даже стало нравиться.

Потом мне надоело возиться с баянными пуговичками, и папа купил аккордеон. Следующие полтора года я занимался с сексуальным маньяком по имени Эдик. Он все время звонил каким-то бабам и только мельком приговаривал: «Играй, играй, я тебя слушаю». То есть, мол, он в курсе того, что я здесь. Ну а рояль начался гораздо позже, в эстрадно-цирковом училище, когда по вечерам после занятий я ждал приятеля и от нечего делать что-то там тренькал. (Кстати, по большей части играла на том рояле тогдашний концертмейстер училища, юная Алла Пугачева. — Авт.)

Первый успех — на обувной фабрике

— Любовь к сцене началась с любви к Райкину. Папа покупал мне его пластинки, а когда по радио звучал голос Аркадия Исааковича, я мчался к приемнику

сломая голову. Многие из услышанного запоминал и потом воспроизводил. И вот однажды, когда мне было лет 12—13, в клубе «Зорилэ» от обувной фабрики проходил конкурс самодеятельности. Ну и я набрался наглости. В зале было человек двести. Все не очень трезвые, потому что Кишинев, весна... правда, в Кишиневе и зимой, и летом не много трезвых. Я подошел к микрофону и крикнул в него первое слово. И офонарел от звука своего преобразованного мембраной голоса! Я пришел в неописуемый восторг, все волнение сразу куда-то пропало, я так кайфовал! Имел большой успех, что подтверждает мою идею о нетрезвости зала. Тогда я впервые подумал о том, как приятно быть артистом.

— С тех пор стали выступать?

— Нет, я тогда эту бациллу в себе переваривал, а потом пошел в народный театр. Мне доверили эпизодик с единственной фразой: «Я — священник из Сюдад-Трухильо», после чего с позором изгнали со сцены. Еще был опыт с кукольным театром. Там я после школы некоторое время под-

визался в роли Барсучка с песней «Эй, с дороги, звери, птицы...». Но, во-первых, у меня была ужасающая дикция. А во-вторых, ширма метр семьдесят, а я 1 м 90 см. И когда вдруг из-за ширмы высовывалась голова размером с куклу, дети пугались. Моя дикция плюс рост довели режиссера до того, что, когда я приходил в театр, он просил: «Уйди-и!»

Но при этом я был почему-то совершенно уверен, что все равно стану артистом и все эти люди горько пожалеют, что относились ко мне с такой прохладцей.

Добил приемную комиссию аккордеоном

Илья Олейников рассказывает, что Москва убила его многочисленными зданиями университета им. М. В. Ломоносова, поскольку каждую многоэтажку со шпилем он воспринимал как МГУ. И он понял, что «этот город так просто не взять».

— С первого раза поступили в училище?

— Если бы не поступил, оче-

видно, поставил бы на себе крест. Но произошло чудо! Наверное, я был такой странный, мягко говоря, такой не похожий на остальных... Представился приемной комиссии как Илюфа иф Кифинефа (я уже говорил, что дикция у меня была безобразная).

— Говорят, вам удалось насмешить экзаменаторов до слез.

— Читал абсолютно серьезные произведения, и вдруг все начали валиться под лавки. Я читал «Дай, Джим, на счастье лапу мне...», при этом изображая и собаку, и ее лапу — со стороны это смотрелось как некий фейерверк непонятных звуков, вырывающихся из очень взволнованного юноши. Кроме меня никто не понял, что я читал. Я один знал.

И вот, придя в себя, они спросили: «Ты на чем-нибудь играешь?» Тут мне и пригодился аккордеон! Спел «Я шагаю по Москве» (папаном я, как ни странно, был похож на Никиту Михалкова, которому безмерно завидовал), и аккордеон явился тем довеском, который убедил их: это чмо надо брать (из 12 студентов того курса знаменитыми стали только двое: Илья Олейников и Геннадий Хазанов. — Авт.).

Создал семью тоталитаристов

Отслужив в армии, где «за два года разложил Кантемировскую дивизию», Илья вернулся в родной Кишинев «зализывать военные раны». Выступая на одном из пригородных концертов с текстом «Нам — 50! Мы — виноградная республика!», он вдруг увидел в зале девушку.

— Весь зал был такой серый-серый, а она сидела в розовой кофточке во втором ряду — такое яркое пятно, которое невозможно не заметить. Дальше я уже работал исключительно на нее. Потому что сразу возникли всякие сексуальные мечты...

— А потом концерт кончился, и вы ее никогда больше не видели.

— Не совсем. Ирина оказалась светлым пятном не только в том зале, но и вообще в моей жизни. Мы поженились, уехали к ней в Ленинград и живем вместе уже почти 30 лет.

— А кто в семье тиран?

— У нас демократия. Тоталитарная. Тоталитаристы оба. В результате я доминирую. Но нечасто. Потому что все наши сражения происходят на поле чистоты, а здесь мою жену победить трудно.

Олейников Илья
Михалков

110402